

В. Яуре

Мотылек и свеча (фрагмент)

Реквием (Памяти друга)

Без меня, без меня,
Без меня отзвенит по весне
Золотая капель,
Прорастет из земли
У порогов трава молодая...
Что ты скажешь о нас,
И друзьях, и врагах наших,
Друг мой, теперь,
Нас по Лете — реке
Одного за другим провожая?
Ты кого проклянешь,
И кому ты предъявишь
Дела и счета,
За кого ты поднимешь стакан
И на чьей панихиде
У какого ты насмерть —
Горящего станешь моста
За разнатык жизни
В давно позабытой обиде?
Не крошили нас шашки,
Не рвала нас на клочья врагинея,
Не сдавал нас в гестапо —
Когда-то нам близкий товарищ,
Оставалось кому все же
Нашу качать колыбель —
В пепелищах еще догаравших
Последних пожаров.
Как же ты объяснишь
Нашу боль и восторги, и страх,
И гордыню судьбой,
Небезопасной и без упований,
И надежд, и любви, и весны,
И отчаянный прах,
Для которых еще
Не придумано
Новых названий?

Как же ты объяснишь
На беспомыслие новых снегов,
В похвалу ли, в укор
Привирая ут безутешный,
Чем измеришь кредит
Накопившихся в чужде долгов,
Воскресенье живых
И уход наш в забвенье поспешный?
Где, какие слова
Заплетешь в ватляные дожди,
В долгожданье пряди
Когда-то любимых и наших,
И какие заботы,
Какие дела и вожди,
И какие примерят тебе
напоследок одежды?
Для величья чего
Расчитатешь наш общий удел,
Для забвения чего
Подтасуешь тиражную память,
Что продолжишь в других
Из того, что начать не успел,
И кого ты себе предпочтешь
Не поверить заставить?
Как же ты объяснишь,
Что сегодня
Уже без меня
Зацветают вишни цветы,
Зеленеет трава молодая
И кричит на излете
Погодего вешнего дня
На высоких ветрах
Журавлиная первая стая.
И петляет трона моя
Мною не прожитым днем,
И петляют вишни следы
В теплом прахе
Отманных судеб, -
Не уйти никуда

Никуда не уйти от нее,
Не перезавещать
Обеспутен, нажит,
Обессуден,
Не зарыться
В песчаные думы
У пенистых волн, --
В лепестки на губах,
Отдаваясь любви
Безнадежной,
Обокая ее,
Как единственно сладкий полон --
В долгожданные пряди
Когда-то любимой и нежной...
Ничего, ничего,
ничего в этом мире нетленного,
Двух дыханий похожих --
И в космосе не отыскать;
И блуждая в потьмах,
Каждый шаг
Прогораешь мгновенно
И ни в чем не дано --
Первозданным ему застыть

2 ГРАВЮРЫ ХИРОСИГЕ

1

Слегка присев,
Приподнимая лапки,
Подрагивая длинными усами,
В восторге до смешного, до экстаза,
Два кролика любуются луной.
Тебе смешно
От этой глупой сценки,
Но как наивны мы бывали сами
В той юности
Несбывшейся когда-то
И под луной
Не ты была со мной.

Нет в храмах убежищ
 Из жертвенной были
 О правдах отной до икоты.
 От мерзких ловушек пустых говорилин
 Убежищем стали немoty.
 Без этих немот задыхается в мире,
 Не тешится и не поется.
 Из капищ старинных и новых кумирен
 Не выкроишь нового солища.
 И верно, что трель соловьиная лжива,
 Подпевшая хору шакалов,
 И глуп петушок, ослепленный наживой,
 Бульону помидор во славу.
 Все так. Ну а вдруг да забудем надолго
 Молчащем немотным отнети,
 Что птицы поют в продолжение рода,
 И чести во славу — поетн.
 И весело станет от злобы и мести,
 И станет смешно от изгоя,
 И станет привычно удобным бесчестье
 Свое, но сначала чужое.

ПОПУГАЙ

Из клетки говорящей попугай —
 Ругается на всех наречьях мира.
 В свищовом небе Северной Пальмири
 Его страну попробуй угадай.
 Хоть зоосад давно удостоверил, —
 Здесь дом родной для попки-дурака,
 Не говорят невиданные перья,
 Что родина безмерно далека.
 То у окна на палочке мечтает,
 То головою бешено качает,
 То на потеху несвоих друзей
 Черт знает что болтает, дуралея.
 Он хорошо живет, он не бездомен,
 В тепле и сыт, есть у него друзья:
 То прилетает белая ворона,
 То прихожу к тому окошку я.

Тих попугай, молчим и мы в саду,
День городской на крышах умирает, И смотрит на Полярную звезду.
В молчанье тихий Ангел пролетает
И смотрит на Полярную звезду.

Романс мечтаний

Все собираемся мы в путь.
А путь всего короче века.
А счастье в нем —
Ведь вот в чем суть —
Короче жизни человека.
Все кажется, что счастье спит
В любом мгновенье жизни зыбкой
И с мимолетною улыбкой
Нам вдохновенье посвятит.
И посвятит.
Да слишком поздно.
И слишком рано мы умрем.
И чаще нам наградой слезной
Не счастье, а мечта о нем.
И если нет иной напасти —
Живем, мечтается пока...
И жизнь не то, чтобы легка
Зато печальна лишь отчасти.

.....

. . .

Твое лицо рассматриваю близко,
Украдкой локоп черный отведя,
Где бабушка лукавой гимназисткой
Все смотрит с фотографий на меня
Там все углы давно забыты хлебом
Стереет шляпки, письма, веера,
Сшить вояшь с девочкой упрямой,
Не захотевшей кашу есть с утра.
Сквозь сон ключи позвякивают. "Ах!"
И, зажимая радость в кулачок, —
Пытаюсь заглянуть в пузатый шкаф
И дряхлый от сокровищ сундучок.
Всегда пасьяно раскладывала лико,
Гадая мне на радость и беду,
Романы напевала тихо, тихо
И куличи святых раз в году. —
И признавалась я в заветном самом,
Как другу, понимающему сердца.
Ах, бабушка, я все твои романы
Прослушала с начала до конца.
Теряя нотку, не получишь гаммы,
А ты уже романс не допеешь
— *Mon cher*, какие в наше время были дамы!
Их по осанке сразу узнаешь.
Лицо в пространстве дальше ускользает,
А девочка все плачет от тоски,
Со смехом гимназистка убегает
Роняя легкий поцелуй с руки:
— Не вешай нос ни завтра, ни сегодня!
— Постой немного
— Что опять хандришь?
Совсем запуталась? Ну будь же поспокойней
Все чепуха! Запомни, *je m'en fiche!*

. . .

. . .
Подуть на зеркальце? Смешно.
Подумать: "Замутилось"
Через минуту все равно
Осыпалось, отсiniлось.
Перебирает лапки паучок
В воздушном танце,
Весь скатый в темный кулачок,
Как постылиство.
Свивается дороги нить
Без поворота,
По острию мечты скользить
И плакать до икоты.
Смешно на зеркальце подуть,
Умей скрываться
В свою невидимую суть
Души пространство.

. . .
Презрев слова, шептаться было б ложно,
Все ближе к краю,
Ближе к забвению,
Где вдох и выдох сделать невозможно
И оттолкнув надежду, как свою
Отраву, сверху золотая,
Ее сияньем призрачным живу,
На миг пустоты сердца залатаю,
И, задыхаясь, воздух разорву!

. . .